

**ГЕННАДИЙ
ЕМЕЛЬЯНОВ**

**ВЫРУЧАЙТЕ
МУЖИКИ!**

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

НОВОКУЗНЕЦК · 1992

ББК 84.3Р7
Е60

Сборник юмористических рассказов на злобу дня
известного сибирского прозаика Геннадия Емельянова.

Е ЛР № 040360 — 94
Л 77(03)

ISBN ISBN5—87521—029—X

© Г. Емельянов

**ГЕННАДИИ
ЕМЕЛЬЯНОВ**

ВЫРУЧАЙТЕ, МУЖИКИ!

ЮМОРИСТИЧЕСКИЕ РАССКАЗЫ

НОВОКУЗНЕЦК -1994

ВЫРУЧАЙТЕ, МУЖИКИ!

(юмористический рассказ)

Очередь возле винного магазина тянулась змеей с полверсты, у растворенных железных дверей она разбухала и клубилась. Кочегар Вася Парамонов осмотрел близлежащую местность стратегическим и тактическим взглядом, но бреши, даже малой, в крепости, которую надлежало брать, не наблюдалось. С десяток румяноликих амбалов, одетых по-спортивному, расталкивали маломощный народ, лезли натурально по головам и набирали вино «Агдам» в громадных количествах. Мелькнула малая надежда на успех предприятия с появлением двух милиционеров — они приближались к месту схватки осторожно, чтобы взять внезапностью и напором. Один милиционер кинулся в самую гущу, подобно русскому витязю на Куликовом поле. На малое время он пропал из видимости, потом был с ускорением выжат из толпы, крутясь волчком, отдалился от железных дверей на приличное расстояние и сел с маху на картонный штабелек с яйцами,

которыми торговала толстая женщина в белом халате и черных валенках с калошами. Стоит тут отметить мимоходом, что сразу после застойного периода курица еще неслась — по инерции. Упал, значит, милиционер, а когда поднялся, все ахнули: фирменная его дубленка унижительно и скорбно была замазана яичной жижей и усеяна скорлупой. Второй милиционер по рассеянности или с перепугу вытянул дубинкой вдоль шины алкоголика Гришку Косторезова, который считал мелочь в горсти. Гришка заматерился трехэтажно и посулился дать тревожный сигнал самому Горбачеву. Продавщица со слезой спрашивала у свидетелей, кто будет платить за погубленный товар? Никто про это в точности не знал.

Милиционеры же робко отжались за угол и истаяли.

Вася Парамонов пересек улицу, присел на мокрую скамейку (была ранняя весна, и всюду таяло), чтобы обмозговать ситуацию. Рядом и в некотором отдалении присутствовал мужчина весьма диковинного вида: голова его напоминала больших размеров огурец, глаза у него были рысьи, пронзительные, одежда же отдавала серебром, она обтягивала короткое тело плотно, и штаны не имели ширинки. «Из Прибалтики дядечка, — подумал Вася. — Они там богатые, потому и отделяются». Кочегар попытался увязать воедино два существенных момента: отсутствие ширинки и вытекающее

отсюда политическое положение в Прибалтийских республиках, но увязать не успел, потому как незнакомец осведомился машинным голосом:

— Это—что?

— Как что, за «Атдамом» давятся!

— Всегда так?

— Когда завозят, всегда.

— Опасно?

— В этой декаде троих насмерть сплющили. Но и положительный результат наблюдался. Одна старуха, ее муж, покойничек, еще Зимний брал, слепая, как крот, залезла в очередь, черт ее понес. Назад, значит, ее выжали, глаза навылуп имела, они только что на асфальт не посыпались. Но что характерно — зрение вернулось в абсолютной целости, про очки забыла. Я бы всю партию и правительство через эту давку прокачал.

— И зачем?

— Вина, конечно, не достанут — слабаки — но, может, по кабинетам с мозгами разбегутся: ведь старухе-то помогло!

Товарищ из мятежной Прибалтики насчет мозгов партии и правительства намека в полноте не усек и опять спросил:

— Вы здесь зачем?

— Лизка, жена, послала. У тещи день рождения. И что характерно, теща кагор любит, а я Лизку сразу отбрил: кагор, мол, в наши дни Папа римский хлещет. Ну, кто еще? Коммуни-

сты, попы, да члены рабочих комитетов, в газете читал.

— Вам надо... ээ-э «Агдама»?

— Взял бы, конечно, так ведь раздавят.

...Что было дальше Вася Парамонов в целости не охватил, но некоторые подробности в память запали. Например, Гришка Косторезов, которого давеча по недоразумению направили дубинкой, опять в голове очереди, шевеля губами, считал мелочь. И тут вдруг сверху на него посыпались спортивные молодчики, залегшие прочно на головах советских тружеников. Гриша сперва заверещал, будто заяц, и сразу затих под немалым грузом. После его увезла «скорая» с отдаленными ушами, к тому же он сделался зайкой. Рука вора по прозвищу Сучок прочно застряла в кармане персонального пенсионера областного значения товарища Ложкина, отдаленно знакомая дворничиха, тетя Стюра залаяла, как борзая. Все замерли с восковыми лицами и даже никто не сморгнул. Каким-то образом определился свободный проход, я он вел прямехонько к прилавку, а за прилавком царствовала монументальная Варька.

Незнакомец подтолкнул Васю Парамонова в спину и сказал:

— Ступайте, «Агдам» ваш.

Вася крался к прилавку сгорбившись и вздрагивая: он опасался, что кто-нибудь сейчас очнется и даст ему по уху с отягом. Но в

магазине царила мертвая тишина. Варька же лучезарно ему улыбалась.

— Сколько вам?

— Дак штук пять. А кагорчику у ты не найдется? Что характерно, теща моя именно кагор любит.

— Найдется. Еще ликер вьетнамский есть, весьма, знаете, сладкий. Завернуть?

В горле у Васи застрял сухой комок, он растворил рот по возможности шире, чтобы прочиститься, но ком никуда не скатывался в не поднимался.

«Чудеса! — думал кочегар Парамонов.— У ее, видать, крыша с башки скатилась: ить в глазах всего люда дефицит гонит!»

Незнакомца же со скамейки кочегар тотчас же полюбил несказанно:

— Но ты даешь! И что характерно, Кашпировский перед тобой — тля!

Народ у магазина опять зароиhsя, лишь Гришка Косторезов стоял в луже на карачках и тряс головой, будто конь, замученный оводами, отдаленные уши притом слышно хлопали по щекам.

— Тянем по малой? Должен же я тебя отблагодарить? Счас стакан спроворю. Или изгорла будешь? Откудова сам-то?

— Я из другой галактики,— ответил человек с огуречной головой. И воздел руку к небу,— Оттуда. Летел мимо, материализовался. Тороплюсь.

Когда Вася вслед за незнакомцем потянул остатки вьетнамского ликера, его вдруг осенило:

— Дак ты на самом деле это... с других планет?

— Питье ничего себе, — рассеянно ответил далекий гость. — Да, я с других планет.

— Может, ко мне рванем, Лизки дома нету, а? Картошки на сале поджарим?

— Зовут, ухожу, — инопланетянин протянул кочегару Васе черную коробку, плоскую и напоминающую пудреницу, сказал: — Кнопку нажмете. «Агдам» ваш. Прощайте. — И растворился в безбрежности.

Кочегар нешуточно расстроился. Он хотел подарить хорошему человеку бутылку для памяти и на похмелку, намеревался еще спросить, почем у них там мясо на базаре и гоняют ли у них население осенью на картошку? Ну, и как у них там насчет женского пола? И вообще...

Не успел спросить. Беда!

...Во дворе за деревянным столиком вскорости после заметного события в жизни кочегара компания играла в подкидного. Электрик Жора Баюкин, брюнет с бакенбардами, возьми да и размечтайся:

— По стакану бы для сугреву, а?

Пожилой учитель словесности Иван Иванович Соловейчик (он в карты не играл в воспи-

тательных целях) возьми, да и скажи между прочим:

— Шел мимо, портвейн дают...

И Вася Парамонов встрепенулся и нащупал в кармане холодную коробочку с кнопкой.

— Собирайте гроши — по пятерке с рыла.

Присутствующие выказали явное сомнение: дескать, задавят и всякое такое. Вася же Парамонов заверил присутствующих, что все будет в полном ажуре. Некоторое колебание в душе у него, конечно, присутствовало, но он его решительно отторгнул, полагаясь на исключительную порядочность -товарища с других планет. Вася уверил себя в том, что в иных мирах особая система отношений, там наверняка нет партии большевиков и, значит, прохиндеев не растут.

Вскорости гонцы (Парамонов и еще двое) приволокли во двор целый рюкзак портвейна «Три семерки». Это было чудо из чудес. С тех пор и пошло-поехало:

— Вася, Васенька, Василек! Дают, только что привезли. Рви, пока не расхватали!

Кочегар не ломался и не отказывал. Помощники и подручные тишком распространил-версию: Васька наш возобладал вдруг гипнозом убийственной силы — народ под его взглядом чумает враз и коллективно, некоторые даже рот прихлопнуть не имеют возможности. Учитель Соловейчик, убежденный сталинист (он не пил во дворе опять же в воспитательных

целях), высказался однажды в том плане, что Васю Парамонова надобно срочно куда-нибудь избирать, поскольку он любую демонстрацию или тем более шахтерскую забастовку задавит на корню.

— В местный Совет, а?

Компания после пяти бутылок, выпитых без передыху, натурально загнулась:

— На хрена его местный Совет, бери выше!

Когда рюкзак опустел, было порешено бесповоротно толкать коллективно Парамонова в Главные Начальники России. Учитель Соловейчик скромно взял на себя Министерство культуры, электрика Жору Баюкина единогласно двинули на промышленность (он техникум кончил заочно), было еще предложение (его изложил уже в лежачем положении небритый тип с соседней улицы) поставить Гришку Косторезой во главе всей винной торговли и спиртных заводов — для срочного подтягивания этой важной отрасли народного хозяйства, но кандидатура эта была единогласно отторгнута на том основании, что Гриша, хоть и объявил себя трезвенником после больницы, но штаны не гладил уже года три, и его ханыжный вид насторожит избирателя.

Мало-помалу кабинет был сформирован. Учитель Соловейчик сказал в заключение:

— Мы не хуже их будем! — и воздел руку вверх.

Однако беда стояла на пороге: на спиртное

вдруг ввели талоны, и Васина кнопка отказала. Популярность Главного Начальника России резко покатила вниз, и сформированное правительство распалось естественным образом. А жаль! Ведь был шанс вывести всех нас на светлую дорогу.

Талоны талонами, а политика политикой. Выручайте, мужики!

КТО ПОЙДЕТ В РАЗВЕДКУ

КТО ПОЙДЕТ В РАЗВЕДКУ?

(юмористический рассказ)

Восьмого марта аккурат технолог швейной фабрики Додя Силкин искал шампанского, чтобы придать вечеринке, которая собралась у него на квартире, некий аристократический оттенок.

Уже на склоне дня Силкин забрел в одно кафе и выяснил, что здесь как раз шампанское дают на вынос. По ресторанной цене, конечно, но дают, если хорошо попросишь.

У раздевалки в кафе мыкалась очередь, перед лестницей на второй этаж, что вела в питейный зал, сидел румяноликий швейцар в возрасте за шестьдесят и через равные промежутки времени кричал, шибко напрягаясь:

— Местов нету, граждане!

Этот бычий рык люди слышали на улице и перебегали дорогу, нарушая правила движения.

Додик поправил галстук, завязал шнурки па штиблетах и поклонился очереди:

— Ребята,— сказал Додик,— мне бы толь-

ко до буфета, я за шампанским. Вы мне, ребята, можете спокойно в ухо дать, если что. При всех заявляю.

Додик не походил на алкоголика — на нем были глаженные штаны — и публика после некоторого колебания снизошла.

— Грамотный? — спросил швейцар вроде бы ни к селу, ни к городу.

— Среднетехническое образование, — ответил Додик с готовностью. — Диплом имеем, папаша.

— Решишь задачу — пушу. Один это мужик на десять копеек в ранешние времена купил десять это яиц. Гусиные стоили три копейки штука, утиные это две, куриные — по копейке. Вот и все.

Додик закрыл глаза и сосредоточился.

— Задача не имеет смысла — бред сивой кобылы! — спустя несколько ответил он. — В условии ошибка, папаша.

— И чему вас только учат! — швейцар глянул на парня с таким видом, будто тот залез к нему в карман и вытащил бумажник. — Ты глупый, я сразу заметил. Еще за шампанским прешься!

— Вы, папаша, сами раскиньте! — не на шутку обиделся Додик Силкин. — Так же не может быть. Значит, гусиное яйцо стоило три копейки, утиное две...

— Не мельтеши тут, ступай в буфет, пока не раздумал! Я бы тебя в разведку не взял:

на вид ты представительный, но глупый.

В питейном зале технолог Силкин притулился к столу, вытащил из вазы бумажную салфетку и на салфетке составил уравнение. В уравнении было два неизвестных, и решения не предвиделось. Но пуше Додика расстроил тот факт, что швейцар решительно отказался брать его в разведку. Додик нарисовал на салфетке гуся с длинной шеей, утку, курицу, а также лошадь, несмотря на то, что лошадь в условии не фигурировала. Изобразил он еще мужика в зипуне — для наглядности. Голова у мужика была огурцом, нос кривой и длинный, как у турка.

Для пушей важности Силкин заказал стакан портвейна и заливное, официантка же принесла бутылку вермута и капусту провансаль. Про шампанское было забыто, поскольку задача не шла и жить дальше не имело смысла. Кафе Додик покинул спустя два часа в состоянии среднего опьянения и с опущенной головой.

В доме веселье уже кипело.

Смутно знакомый блондин пел под гитару модные песни. Тесть Додика Варфоломей Селиверстович Трунин был за столом и кушал пельмени с уксусом. В тридцатых годах нашего столетия тесть стоял на учете как вундеркинд, потому что умножал, делил и вычитал пятизначные числа с феноменальной скоростью.

Додик кивнул гостям с оскорбительной холодностью и сразу изложил тестю условия задачи: один, значит, мужик в ранешние времена на десять копеек и так далее. Варфоломей Селиверстович отставил тарелку с пельменями и, не моргая, уставился в потолок. Додик тем временем изложил задачу смутно знакомому блондину, аспиранту по юридической линии Кюзьме Рылину, учительнице истории Стелькиной и ее мужу, мастеру буровзрывных работ Ивану Стелькину. Блондин вырвал у Стелькина карандаш, аспирант назвал вдруг свою невесту Лелечку гусыней, а она его соответственно недорослем.

Гости думали, хозяин меланхолично вытаскивал из кармана бумажные салфетки, уворованные в кафе, и складывал их по номерам в кремовый торт «Фантазия», купленный за сотню в ресторане.

— Не прет! — вздохнул тесть. — Не прет и только!

— Мудрено что-то, — поддержал тестя смутно знакомый блондин. — Что-то тут не так...

Мастер буровзрывных работ не выдержал интеллектуальной нагрузки и ударился в рассуждения о пришельцах с других планет. Учительница истории Стелькина сообщила новые и достоверные факты из жизни и деятельности царя Иоанна Тишайшего, который, оказывается, был совсем и не тихий.

— —Что-то тут не так! — напирал Варфоломей Селиверстович, — Ты, Додя, под мухой был и все перепутал.

— Я не путал! — ответил Додик гневно. — Я вас, тесть, в разведку не возьму, я вас в окопе оставлю!

Варфоломей Селиверстович часто задышал и подался в прихожую искать шляпу.

— Это вы напрасно, Додик, — осторожно вмешался в семейные дела смутно знакомый блондин. — Это вы напрасно...

— И тебя не возьму. Один пойду — на погибель!

Блондин покинул квартиру с деревянной спиной, Стелькины исчезли без драматических жестов, жена Додика Клавдия заявила тут же, что их совместная жизнь в дальнейшем вряд ли возможна, и ушла ночевать к маме.

С этого рокового дня жизнь технолога Силкина завихляла под уклон, будто кривое колесо. Знакомые и незнакомые спрашивали про задачу: как, мол, решил? Нет? Но ты, мол, держись, не оставим чуть чего.

Главбух швейной фабрики забросил квартальный отчет и бился над задачей без роздыху, тесть Варфоломей Селиверстович свалился в постель от нервного истощения. Жена Клавдия по-прежнему ночевала у мамы и писала на фабком, что Силкин морально разложился и однажды сдохнет под забором. Во всяком

случае ждать этого рокового момента осталось недолго. Общественность фабрики на стенания жены отреагировала, и было по этому поводу цеховое собрание. Додик написал для профсоюзного актива на доске условие задачи, всхлипывая от тоски и бессилия, сказал притом, что снисхождения и жалости не допустит, а в разведку пойдет в одиночку. Собрание не сделало определенного вывода, членам месткома Соколову и Воронову было поручено во всем разобраться и доложить существодела.

Вечером того же дня Соколов и Воронов нашли кафе и приперли швейцара к стенке насчет условия задачи.

— От отца слышал, — признался швейцар. — Может, и ошибся. Но вот про гусей доподлинно помню. Летела это стая гусей, а навстречь ей одинокий гусь летит и спрашивает: сколько же вас, миряне?

— Ты одну жизнь, считай, загубил и наши загубить хочешь! — взъерепенился активист Соколов. — И нас под монастырь, да?

Швейцар изменился в лице и замолчал.

Соколов спешно направился домой, Воронов же потоптался на тротуаре, крадучись вернулся назад и поманил швейцара пальцем:

— На чем мы кончили? Летела, говоришь, стая гусей?

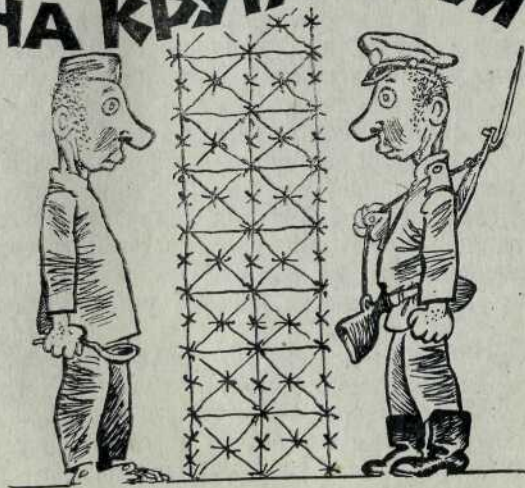
— Вот именно. Сколько же вас? А столько, да полстолько, да четверть столько...

— Ты не части, папаша, я запишу для верности. Диктуй.

Швейцар обещал взять Воронова в разведку хоть сегодня.

**ВСЕ ВЕРНЕТСЯ
НА КРУГА СВОИ**

ВСЕ ВЕРНЕТСЯ НА КРУГИ СВОИ!

(юмористический рассказ)

Оно, конечно, теперь со всех сторон скукой тянет, а мне так интересно, поскольку я даже малого представления не имел, до чего мы докатимся. Наш сегодняшний уклад полон веселого идиотизма. Внучка у бабушки спрашивает: «Что такое шоколад?» Телевизор орет: «Проведемся до Гавайских островов на теплоходе с тремя палубами, и дешево притом, на рубли — миллион, на доллары, так, считай, совсем даром». А под окнами у меня сидит нищий дядя Вася без ноги и собирает на прожитие. Но о дяде Васе несколько позже.

Магазины возьмите. Там все в решетках. Рядовой труженик выступает вроде бы в роли зеваки, а по ту сторону прилавка — вроде бы звери: двугорбые верблюды, кровососушие, млекопитающие разных видов и прочие аллигаторы.

Я такую сцену наблюдал недавно. Румянолицый товарищ в енотовой шапке, вполне, значит, благополучный — или вымогатель, или кооператор, сунул в винном отделе пачку сотенных и показал пальцем на диковинную бутыл-

ку с какой-то зеленой жидкостью. Тонкое зелье, его пьют исключительно богатеи ближнего и дальнего зарубежья. Кооператор (или вымогатель?) деликатно взял заморский флакон за горлышко и потянул на себя, однако нестандартная тара в амбразуру не пролазила, тогда продавщица стала толкать чудо видодеяния животом на покупателя. Тужились они, тужились и случилось неминуемое: раздался звон, и на полу образовалась зеленая лужа. Продавщица, молодая, но уже дебелая, воздела руки к богу и завздыхала с длинным подсапом. Зачуханный мужичонка из люмпенов, сидевший на подоконнике, чуть не заплакал и произнес речь такого плана: Черномырдин, мол, заика, Гайдар почти что лысый, и с такими недородными вождями нам никогда не взять вершин. Пострадавший же востребовал заведующую. Тотчас же возле винного отдела сколотилась толпа, очевидцы шумно устанавливали, кто виноват? Единодушно сошлись на том, что виновата продавщица — это ведь она толкала бутылку пузом, будто, понимаешь, бревно на лесосплаве, она и должна возместить убыток в полном объеме. По случаю на месте катастрофы оказался член рабочего комитета, он заявил, что, если правда не возьмет верх, шахтеры проведут предупредительную забастовку.

Явилась заведующая, женщина державной, стати, суровый ее взгляд на минуту пригасил

страсти, но лишь на минуту, потом снова прихлынули митинговые настроения, послышались выкрики: «Долой пошлых демократов!» Или: «Защитим обездоленные массы от произвола!»

— Мария! — обратилась завмаг к продавщице. — Разве ты не могла этому товарищу ликер через задний проход вынести? Товарищ, ступайте во двор, я вам отдам бутылку.

Публика натурально разочаровалась, потому что боевой и решительной схватки не получилось.

Последние годы обыватель активно отгоразживается от перестроечных процессов железными дверями разной толщины и размеров. Но один электронщик всех переплюнул — у него дверь матерится басом, стоит только приотронуться к замку. Раздается тотчас же: «Куда лезешь, козел! Счас глаз на анализ возьму!» Дальше следует непотребное в боцмановском стиле. Старушка одна прикупила с пенсии маленько сметаны, постного масла и по мелочи кое-что. Ташилась это она к себе на пятый этаж, устала, спиной к замку привалилась, ну и получила свою порцию в полном объеме. Выронила, конечно, сетку, сметаны лишилась, постного масла тоже, да и перепугалась до тряски. В суд подала на соседа, а тому хоть кол на голове теши. «С кем ты, — говорит, — судиться вздумала, темная? С дверью? Я ее не учил материться, сама натаска-

лась в результате общей паскудности».

Собака колли (щенка за двадцать тысяч брали!) тоже замок понюхала и хронически запоносила до смертельного исхода.

Приспела пора несколько слов сказать о нищем дяде Васе.

Он сидит (костыли накрест) на канализационном колодце. Борода его торчит врасык, напоминает по форме и цвету венник, связанный из полыни. Сперва дела его шли вполне обыкновенно, потом он изловчился (голь на выдумки хитра!), написал на картоне химическим харандашом: «Президент Ельсын! Садись рядом!» Публика читает. Кто, значит, смеется, кто пожимает плечами, но деньги кладут исправно. Один модник при мне кинул сотенную и погладил дядю Васю по бронзовой лысине: «Молодец, дедушка! В самую струю попал!»

Я заинтересовался у нищего, как он осенился светлой мыслью насчет Ельцина?

—А тут один молодец пробегал и вякнул: «Ты для президента место оставь, он тоже побирается».

—Почему бороду не моешь?

—Баню я посещаю справно, а бороду при том в полиэтиленовый мешочек завязываю, пусть так она и держится — для пущей скорбности. Чешется, но терплю, потому как заработок заметно подпрыгивает».

Так бы оно все ничего, да стали моего прия-

теля угнетать: сперва ребятишки прихлынули, которые торгуют на перекрестке газетами и сексуальной литературой, где излагаются способы любви с картинками, начиная с пещерного человека, кончая почему-то английским премьером Чемберленом.. Ну, и вот. Сопливые эти труженики принялись наседать: «Дед, дай на мороженое!» Давал, давал, а когда отказался, ножиком пригрозили. Затем парни постарше все на пузырь требовали и тоже грозили. А куда немощному деваться? Оборот падал, бизнес хирел, и перспектива не просвечивалась. Тогда я нашел знакомого сварщика, и тот, полный благородства (это в наше-то время!) сварганил для дяди Васи из бросовой арматуры отменную будку, с трех сторон закрыл ее листовым железом, на крышу пустил алюминиевый шифер. Плакатик насчет Ельцина теперь снаружи висит. Побирושка в будке — опять диковинка. В лохматую шапку, словно осенние листья, падают рубли и червонцы. Дядя Вася по случаю новоселья помыл бороду, поскольку через арматурные ячейки не видать — чистая она или нечистая. Меня же теперь переполняет гордость: ведь я стал в некотором роде спонсором. Да!

Тут городская сессия депутатов состоялась, и один товарищ (господин, сударь?) выдвинул дерзкое предложение: обнести город и его окрестности железной оградой с колючей проволокой, чтобы, значит, не проникали к нам кав-

казские народы с гнилыми яблоками и дерьмовым коньяком. Однако левые радикалы надумали в качестве альтернативы прорыть экскаваторами широкий ров и пустить по круговому каналу сточные воды. Кто проберется на нашу территорию без ведома властей, от того будет пахнуть резко и пронзительно, по прогнозам местной науки, примерно с полмесяца. Да. Демократическая же фракция настаивает засадить нейтральную полосу кустарником с особо ядовитыми шипами, семена же этого кустарника представляется возможным закупить в одной весьма отдаленной африканской республике. Правда, там до сих пор едят друг друга, включая даже близких родственников по материнской линии. Но наш принцип — не вмешиваться во внутренние дела. Это всем известно. Затраты избиратель понесет минимальные: только командировочные для делегации, за семена же можно платить бусами или же плюшевыми медведями фабрики местпрома. Коммунисты, как всегда, ничего путного нащупать не могут, потому голосуют «против» и дают инициативу на корню.

Год-два погалдят избранники народа, да к чему-нибудь и прибьются. Так что, дорогие земляки, не тоскуйте по товарищу Сталину — скоро все мы окажемся за решеткой и воссоздадим тюрьму народов, как в доброе старое время и при проклятом царском режиме. И все вернется на круги свои!

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

ЧЕЛОВЕК С ЛУНЫ

(юмористический рассказ)

У нас в цехе каждую пятницу разворачивается действие такого, значит, порядка: профсоюзный начальник приносит мешочек с талонами, и каждый тянет свою долю. Ходового товара, известно, не хватает, а так вроде бы и по справедливости — тяни свою рыбку из мутной воды и никаких делов.

Людам везет, а я так все мимо цели бью. Что мне выпадало в этой декаде? Куклу вытянул (ходит, глаза закатывает, говорит даже, но исключительно по-турецки), барабан без палочек, вьетнамский веник, средство от перхоти, милицейский свисток, а последний раз попался набор презервативов иностранного производства. Квиток у меня тут же прямо из рук вырвал один шустряк. Я тебе, говорит, водяры поставлю, они же, говорит, с усами! Кто это, мол, с усами? Может, еще и с бородой? Тёмный ты, отвечает. Резинки с усами и потому особо возбуждательные. Бери, я и без усов возбуждательный.

А вчера я всех удивил — выловил из мешка германскую швейную машину. Наши женщины чуть в обморок не повалились от зависти. Отдай, Гриша! Все одно твоя Настасья не шьет. Ничего, научится, так что пригаситесь, бабоньки.

Я невезучий. В конце смены полез в карман, а талона-то и нет в наличности. Настасья моя расстроилась до слез. Сказала, что я с самых малых лет задуман природой как губошлеп. И отец мой был губошлепом, и мать, и бабушка, и братья. Короче, вся моя родня несуразная. И зачем, говорит (это Настасья) вас на свет божий вылупили! Я матерками отбился и поплелся спать в горницу.

На следующее утро меня от станка позвали к телефону. Супруга звонила. Простила, понятно. Она незлобливая. Сообщает:

—Ты отпросись пораньше. В нашем клубе встреча состоится. Электросекс прибыл знаменитый и недорого берет — сотню за билет. Он все предугадывает, он растолкует нам, кто из твоих талон свистнул.

Я сразу к мастеру: электросекс, дескать, в клубе сеанс дает, так его надо обспросить кое о чем.

Мастер Вася, молодой совсем, но уже грамотный, поправил:

—Экстрасенс, чтоб ты знал. Что-то их много развелось нынче... Ну ладно, ступай.

...Народу в клубе собралось невиданное ко-

личество. Это вам не депутат запуганный, это, понимаешь, предсказатель. Он вперед далеко смотрит, а назад — еще дальше.

Мы с полчаса ждали, когда начнется сеанс. Настасья который уже раз наказывала:

— Ты сразу руку подними и сразу — про талон! — и локтем меня под ребро.— Понял? И не стесняйся, пусть напрягается. Мы две сотни отдали, хоть и не деньги, но все же...

—Неудобно как-то...

—Неудобно штаны через голову пялить, понял!?

Пока мы перешептывались, занавес раздвинулся, заиграла музыка, свет вспыхнул ярко. На сцене—журнальный столик и кресло. Больше ничего. Он вышел откуда-то сбоку, небольшой ростом, абсолютно лысый, нос крючком, глаза черные и весьма пронзительные, голова желтая и большая, как тыква. Он сел в кресло, поболтал лаковым штиблетом и начал так:

—Я экстрасенс с большим стажем. Фамилия моя теперь Сарафанов Феофан Феофанович. Родился я в первый раз в 1310 году, после физических смертей перевоплощался в бенгальского тигра (людей, заметьте, не ел!), был жрецом индийской секты таратуры, потом акулой в Тихом океане, последнее время функционировал в качестве попадьи в одном из сельских приходов Саратовской губернии и меня по ложному доносу расстреляли чекисты, яко-

бы за активное пособничество банде Васьки Пузатого. Естественно, я знавал близко выдающихся исторических личностей, мог потому долго развивать эту интересную тему, однако сегодня перед нами стоят иные задачи, решать которые предстоит неотложно. Чем же я и мои коллеги отличаемся, так сказать, от прочих смертных, Вы, сидящие здесь, тоже перевоплощаетесь, но у вас не сохраняется наследственная память, у нас же она сохраняется. Отсюда — громадный опыт, отсюда умение общаться с астральными и космическими силами.

Лохматый парень в переднем ряду, одетый в адидасовский спортивный костюм, пестрый, как колорадский жук, пьяненький, видать, икнул и крикнул с ехидной наглостью:

— А ты в жука навозного не превращался?

На парня зашикали, но тот рукой отмахнулся, дескать, не ваша это забота — я с ним сам разберусь.

Феофан Феофанович продолжал, покачивая ногой:

— А сейчас я с Луны.

— Ну, дает!

— Был я там по решению Высшего Совета экстрасенсов и колдунов. Командировали меня с определенной целью.

— От дает!

Пожилая женщина в черной шляпке горшком, с длинной шеей и чуточной головой, похо-

жая на африканского грифа, завершала пронзительно в адрес лохматого парня:

— Да что он там себе позволяет! Уймите его, пожалуйста! — И сразу же обратилась к Феофану: — Получается, что Луна населена?

— Да. И тамошняя цивилизация неизмеримо выше нашей.

Женщина нервно сдернула шляпку с головы и осведомилась, привстав:

— И какие там виды на урожай?

— А они, уважаемая, не сеют и не жнут!

— Позвольте, чем же они питаются?

— Питаются они от солнца.

— От дает, пузырь мочевой! Бабка, ты его не слушай, не то лапши на уши навешает пудами, и ты разогнуться не сможешь!

— Да уймите вы, его там! И как это — от солнца?

— Я рад, что мы так неожиданно быстро подступили к заглавной цели нашей встречи.

Настасья опять толкнула меня локтем:

— Ты улови момент и изложись: так и так, потеря у нас большая.

— Сама излагался!

Феофан тем временем продолжал:

— Луние научились менять телесную оболочку на некую субстанцию, способную воспринимать и аккумулировать энергию солнца. Насытившись, они снова превращаются в гуманоидов. На Высшем Совете мы дружно пришли к заключению, что этот ценный опыт нуж-

но срочно перенимать. Проблема сложная, но разрешимая, и космос готов нам помочь. Задумано создать повсеместно нечто вроде курсов; для самого широкого круга трудящихся. Будем учиться и постигать. Будем спасать самих себя и детей наших, потому как перспективы у россиян самые мрачные.

—Это ты верно отметил, ханыга: московские козлы доведут нас до ручки и в самый короткий срок!

—Прошу записываться,— экстрасенс вытянул руку в сторону зала.— Вступительный взнос — десять тысяч рублей. Средства нужны для оплаты помещений и закупки оборудования.

Встреча длилась часа четыре. Сыпались вопросы такого порядка: как относятся луняне к перестройке и лично к правительству? Никак, ответил. Их утомляет наша глупость. Про себя я думал: а как там с выпивкой, на луне? Но в таком разрезе публично выступать, не посмел.

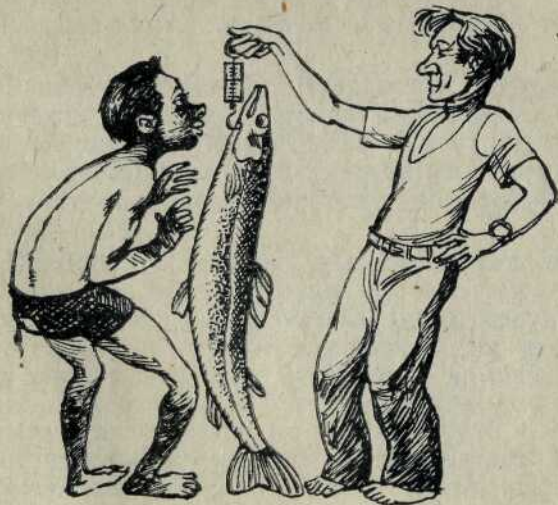
Настасья моя взвилась, она начисто забыла про германскую швейную машину и побежала к матери сшибить десять тысяч до получки, чтобы сейчас же записаться на феофанские курсы.

А я в сомнении. Солнце, конечно, большое, всех накормит, но кто же работать будет?

Может, лучше власть сменить?

ПЯТНО

ПЯТНО

(юмористический рассказ)

Палаточный городок для субботнего отдыха решено было разбить в устье горной речки под названием Чистые Ключи. По берегу речки лежал песок, и за ивняком начиналась тайга.

Экономист Василий Кудреватых вытащил из чехла новенький спиннинг и позвал с собой экономиста Гошу Конева. Гоша в счастливую звезду дилетанта Кудреватых не верил, но составил компанию, потому что стеснялся своих кривых ног.

Навстречу по-одному и кучно попадались рыбаки, они несли на лицах суровое выражение: никто в речке не клевал. Одни говорили, что самый клев теперь в верховье, другие говорили, что как раз наоборот — в низовье, третьи склонялись к тому, что рыба в зной вообще спит — такой у нее распорядок.

У первого же омутка Кудреватых приладил к спиннингу катушку, долго примеривался, прежде чем размахнуться, кряхтел, и, нако-

нец, кинул блесну вместе с кустом боярышника. Он также вырвал клоч из Гошиных трусов домашнего фасона и поцарапал себе щеку. Гоша махом побежал прочь от берега, зажимая дыру в горсти.

Кудреватых сделал «бороду», присел на корточки, задумался, с какого конца браться за нудную и позорную работу. В этот момент Гоша закричал истошно:

—Взял! Взял, сволочь! Гляди-ка!

И верно: в зеленоватом омуте плескался и взмывал колесом белоброхий таймень.

— Тащи! — заходился Конев. Утиный нос его враз побелел, будто отмороженный.

Кудреватых ухватился за леску и потянул ее, пятась. В воду посыпался курумник.

Таймень переваливался тяжело и важно, его бока отдавали радугой. Экономисты оттащили волоком рыбину подальше от воды и тряски-ми руками зажгли сигареты.

Слух о необыкновенной удаче рыбаков неизвестно каким способом докатился до палаточного городка, и первой к месту происшествия прибежала секретарша начальника Юлечка — сочная блондинка в купальнике расцветкой под колорадского жука и в красных босоножках. Юлечка томно воздела руки и во всю прыть кинулась назад. На экономистов набрел еще рыжий парень в штормовке — милиционер на отдыхе Тимофей Самохвалов, и, сопя, осмотрел тайменя, будто хотел соста-

вить на него акт за нарушение правил внутреннего распорядка. Самохвалов покатав в ладони блесну и стал плевать:

— Везет же дуракам!

— Это в каком смысле? — надулся Василий Кудреватых.

— Блесна-то зимняя! И видел я, как ты бросал. Первый раз спиннинг в руках держишь.

— Уметь, значит, надо! — назидательно сказал Гоша Конев. — У нас и на зимнюю хватает.

Милиционер вздохнул и сел на камень — завидовать вблизи чужому счастью.

— Как же ты его! — всхлипывал Гоша. — Ловко ты его, понимаешь! Лежит теперь и моргает. Моргает себе и — точка!

— Рыба не умеет моргать, — объяснил Кудреватых, подкованный теоретически. — У нее даже, видишь, и ресниц нет. Вот так.

— Килограмм, поди, на десять потянет! — спросил Гоша с неприкрытой лестью и поддернул драные трусы, которые почему-то начали скатываться с его крутого живота.

— Достань из моего рюкзака безмен. Взвесим, — Кудреватых был выше лести и уважал истину.

Гоша шустренько отыскал в рюкзаке безмен. Кудреватых небрежно взял тайменя за жабры. Таймень широко, до отказа, разевал пасть и дергался.

— Живехонек еще. И моргает!

— Рыба не умеет моргать — не дано.

Милиционер на отдыхе Самохвалов еще раз плюнул и еще раз покачал головой: везет же дуракам!

— За ноздрю цепляй, за ноздрю!

— Кусается!

— За ноздрю!

— Есть, зацепил! — кривоногий Гоша обеими руками держал безмен за верхний крючок, а Кудреватых, наклонясь, ловил глазами, на каком делении остановилась черная планка, фиксирующая вес.

— А ведь моргает! И взгляд у него этакий неласковый, а?

— Держи крепче!

— Вы бы его камнем по башке, — равнодушно советовал милиционер на отдыхе Самохвалов. — Тварь живучая — уйти может.

— Мы, товарищ, обязательно начеку.

Таймень качнулся медленно и вяло, потом вдруг согнулся дугой, надал хвостом и, похожий на головешку, без всплеска пропал в омуте.

— Пять килограмм и двести грамм, — сказал Кудреватых, не веря еще, что стряслось непоправимое. — Вернее, пять двести восемь.

По воде дрябло разбегались круги. Река текла себе и не поворачивала вспять.

Милиционер пристыл на камне с открытым

ртом, он не смог закрыть его до позднего вечера.

Гоша Конев сел на корточки и стал рвать на себе волосы.

Кудреватых шептал, бледнея:

— Пять двести, вернее, пять двести восемь.

По тропе вдоль берега бежал к месту происшествия коллектив СМУ-8 в полном составе: все хотели посмотреть на чудо собственными глазами.

В понедельник с утра старший экономист Василий Кудреватых принес начальнику СМУ заявление с настоятельной просьбой уволить его с работы по собственному желанию.

Начальник натужно покашлял и отвел взгляд в окошко.

— Специалист ты неплохой, Василий, жалко отпускать тебя, сердце кровью обливается, но перед народом шибко ты запятнал себя! Сколько, говоришь, таймень-то весил? Ну, вот, аж пять двести восемь. Жалко мне тебя, Василий, пятно твое, несмываемое, всю жизнь носить будешь, Да! Это я тебе предрекаю.

...В приемной толкался младший экономист Гоша Конев — он тоже принес заявление с просьбой срочно отпустить его на все четыре стороны.

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ

БРОДЯЧИЙ СЮЖЕТ

(юмористический рассказ)

На узловой станции поезд опустел. В седьмом вагоне, например, остались только трое: кержак дед Селиванов (он ехал навестить сына), агент госстраха Карнаухов, молодой человек без особых примет, если не считать заморских ботинок на нем с белыми губастыми подошвами, и кладовщик сельхозснаба Белокопытов — дюжий и лысый мужчина с полным набором золотых зубов во рту. Он часто улыбался, и рот его натурально пылал. Дед Селиванов загораживался притом ладошкой, чтобы не подпалилась борода.

Эти трое, гонимые скукой, собрались в одном купе, распили бутылочку для зачина, сыграли в подкидного. Поезд шел тем временем по осенней серой степи, и глядеть было не на что. Агент госстраха (это который без особых примет, но в заморских ботинках) рассказал анекдот, который рассказывали еще наши дедушки, про попа, попадью и попову дочку.

Кладовщик Белокопытов после анекдота

вежливо показал зубы, дед Селиванов сути не уловил, но на всякий случай тишком осенил пуп, крестным знамением и длинно вздохнул: и чего только народ не болтает, прости ты меня, Христос наш сладчайший!

— Это что, — благодушно сказал кладовщик Белокопытов. — Вот у нас в районе история приключилась — и смех, значит, и грех. Нн-да-а-а, — он утер платочком глаза. — Как раз также вот по осени вез шофер на полторке гроб...

— Пустой? — дед Селиванов икнул и еще тишком перекрестился — на всякий случай.

— Знамо, пустой. А на дороге человек в сапогах голосует. Шофер ему grit: садись, grit, в кабину, тама гроб у меня, в кузове-то. Но мужчина в сапогах решил с ветерком прокатиться. Ну, хозяин — барин. Едут они, а тут задожило.

— А кабина занята была! — грубо встрял инспектор госстраха. — В кабине старушка с дитем сидела.

— Ну и пусть старуха, — мирно согласился кладовщик, — шут с ней. Да задожило это. Шофер жмет себе на газок, а мужик ушлый попался — залез себе в гроб, лег там на стружку, крышкой накрылся и в ус не дует.

— Страсти-то какие, гражданин хороший! — Дед Селиванов обеими руками потрогал бороду, от нервного перегруза у него закорчело в ушах.

— Он не совсем крышкой накрылся! — вставил агент госстраха. — Крышкой, говорю, не совсем накрылся, башка у него наруже торчала.

— Я рассказываю и прошу не мешать! — Белокопытов нахмурился и поскреб пальцем безволосую свою макушку. — Уважай, понимаешь, старших. Так вот. Едут они себе, а тут женщины опять голосуют. Шофер и женщин взял. Ему что: с миру по нитке, голому пол-литра.

— Это так, — важно сказал дел Селиванов. — Пол-литра нынче шибко в обиход вошла.

— Да. Едут себе. Дождь это покрал и перестал. Осень, она и есть осень.

— Нет, дождь брызгал! — опять вставил агент госстраха. — Даже гроза гремела.

— Я рассказываю, или кто? — кладовщик взял пустую бутылку за горлышко, но, поколебавшись, убрал руку. Он был неуравновешенный.

— Вы правду рассказывайте, нечего загигать-то!

— А я врать не привык. И не встревай тут. Напялил ботинки за сто целковых и помалкивай!

— При чем здесь мои ботинки?

— Притом твои ботинки!

— Сказать нечего, да?

— Мне есть чего сказать, голова моя не

совсем пустая. А ты чего лезешь, коли не знаешь, как было дело?

— Знаю. Этот случай в нашем районе был.

— Нет, в нашем. Я, если хочешь, почти очевидец. Я женщин видел, которые на ходу с машины попадали, когда тот мужик руку из гроба высунул. Одна доярка на всю жизнь зайкой сделалась, и глаза у нее теперь всегда навypyчку.

— Смертельный исход был!

— Никакого смертельного исхода, пень ты сырой! Еще ботинки напялил. По блату поди взял, суслик! Через заднюю дверь пер?

— Кто суслик?

— Ты суслик!

— Это я суслик?

Дед Селиванов, слабея в коленях, встал между ними, но было уже поздно: кладовщик Белокопытов с татарским подвывом ударил агента госстраха по уху, агент упал навзничь и заплакал.

На шум явился старший поезда, и троих из седьмого вагона высадили на ближайшей станции.

Младший лейтенант милиции долго читал акт, составленный еще в поезде, и укоризненно покачал головой:

— Зря сцепились, мужики, — сказал милиционер. — В нашем районе этот случай был, с гробом-то.

— А вот и врешь! — закипел кладовщик

Белокопытов. — Представитель власти, а врешь как сивый мерин!

— Ты, папаша, поаккуратней, я ведь при исполнении и так далее. Суток десять тебе уже корячится, так я еще пару суток накинуть могу.

— Накидывай, а правда моя, вот что!

Кладовщику накинули, агента госстраха разбирали впоследствии на профсоюзном собрании по месту работы. А дед Селиванов поехал дальше, и в поезде, как только устроился и солидно переждал, когда пассажиры выговорятся, приступил к рассказу:

— Это что. Вот у нас в районе случай был...

ПОДАГРА КАРЛА ВЕЛИКОГО

ПОДАГРА КАРЛА ВЕЛИКОГО

(юмористический рассказ)

Целый год я спал урывками: было похоже, что через квартиру этажом выше ночами прогоняли крупный рогатый скот. Но этажом выше жил всего один нестарый вдовец сложной судьбы. Мы коллективно написали на него в газету заметку под-заголовком «Хулиган распоясался» и получили ответ. Сотрудница отдела писем советовала создать вокруг соседа нетерпимую обстановку, и чтобы под логами у него горела земля. Сотрудница, однако, не научила нас тому, как создать такую обстановку, и мы по-прежнему опали урывками.

Однажды — дело было в субботу — наверху громынуло так, что под нашими окнами выставились прохожие и в скверике заплакали грудные дети. Тогда я взял в темнушке молоток и пошел на сознательное убийство с применением тяжелого предмета.

Сосед, раскинувшись, лежал на поваленном шифоньере и пел горемычную русскую песню «Вое васильки, васильки».

Я не искал деликатных оборотов и выложил ему всю правду, а когда, распалась, полез в карман за молотком, сосед сел на шифоньер верхом и сказал:

—Чего икру мечешь, интеллигент тонконогий? Я пятнадцать лет в горячем цехе отбухал и не имею права раз в жизни мебель повалить, да?

Я несколько смешался, но ответил в том духе, что это, мол, вещи разные: шифоньер, например, и горячий цех, но чувствовал вместе с тем, что его железная логика все-таки пригибает меня к земле.

—Ты не крути хвостом-то: имею я право или нет? — он потянулся к подоконнику за цветочным горшком, не дотянулся и заскрипел зубами.— Встать не могу, пузырь выпил, а то бы я тебя в момент на запчасти разбросал!)

Я вышел от него обескураженный.

Дома жена спросила:

—Ты его приструнил?

—Нет, не приструнил.

— И почему же?

—Он пятнадцать лет в горячем цехе отбухал, неудобно как-то...

—Рохла! Он всю жизнь на углу с мангалом простоял, а ты — горячий цех! Никогда ты мужчиной не станешь! —жена плюнула в мою сторону и громко хлопнула дверью.

Я оглядел мебель в квартире. Повалить

шкаф с книгами, что ли? Нет. Чтобы иметь на это моральное право, нужно, по крайней мере, лет сто пятьдесят работать в горячем цехе с предельной загазованностью. Шкаф, значит, исключается. Может, диван опрокинуть? Ну, диван и вовсе нельзя шевелить — это, пожалуй, удел гениев: диван у меня базарной работы, тяжелый и большой. Стул? Тоже громко упадет. И как я оправдаюсь, когда придут снизу и опросят: «По какой причине стулья калечишь?» Скажу, что десять лет отбухал бухгалтером? Так засмеют. Скажу, что у меня плодоносит лимон? Тоже слабо. В конце концов я смахнул со стола портсигар и да и то подобрал вскорости: еще затопчут. Беда!

...С того рокового дня, я стал мучительно сознавать собственную неполноценность, да и потом мне постоянно напоминали об этом на работе, дома и на улице.

Вот иду я однажды в кино. Один гражданин, молодой и современного вида, наступает мне на ногу и не ведет бровью. Я его догоняю и спрашиваю:

—Почему это вы даже не извинились?

—А мне,—отвечает,— до Фени это — извиняться.

— Почему же именно до Фени?

— Я,— говорит,—творческая личность, я ежеминутно мыслю и под ноги, как правило, не смотрю — некогда потому что. — И показывает мне бумажку без печати, из которой

явствовало: этот молодой человек состоит членом литературного объединения под названием «Надутый парус», имеет склонность к широким полотнам и пишет исключительно о крестоносцах.

Крыть было нечем — ведь я не имею оригинальных склонностей. Значит, он наступил мне на ногу вполне законно.

Тем временем мои унижения не кончались.

Как-то в магазине через дорогу давали бананы. Когда настала моя очередь, а бананов осталось чуть, вперед протиснулся мордатый дядька в фуфайке и сунул продавщице чек.

— Вы же без очереди, уважаемый!

— Не хватай, я тоже схватить могу. Меня, понимаешь, машина ждет, легковая.

— Ну, и что?

— Некогда мне, вот что! Я же не бездельник..

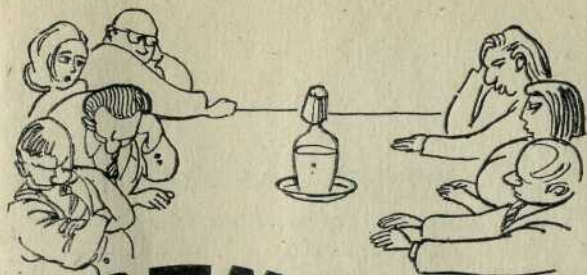
— А я, значит, бездельник?

— Конечно, раз по очередям сшиваешься.

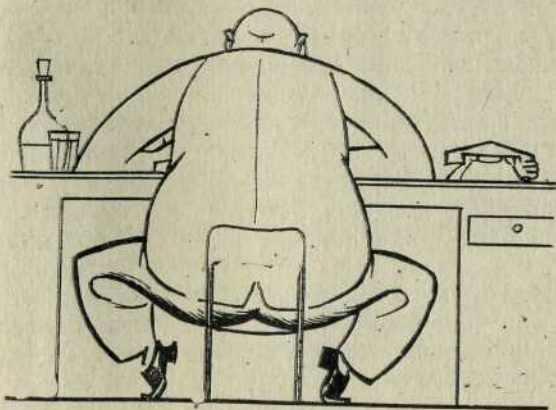
Дядька забрал последние бананы и пошел на остановку ждать трамвая, я же плелся вояси, размышляя все о том же: какую найти зацепку, чтобы самоутвердиться? Я перебирал варианты. Можно, например, научиться в критические моменты пускать изо рта пузыри — безотказно действует. Но — неоригинально. Один мой сослуживец козыряет дедом, который был портным у Чапаева. Уборщица бабка Настасья лично взвешивала к

празднику поросенка очень большому начальнику, когда работала в подсобном хозяйстве. Старший бухгалтер нынче помогал рыбаку тащить из реки пудового тайменя. И все не то. Где же моя планида?

Сегодня я для начала опрокинул стул и жду соседа. Я ему отвечаю: у меня признали подагру. Сам профессор сказал: «Первый случай в городе!» И подчеркнул особо: подагрой болеют, как правило, выдающиеся личности. Например, Карл Великий и еще ряд других. Да с такой болезнью я любую дверь брюхом отворю!

ВРЕМЯ- ДЕНЬГИ

ВРЕМЯ — ДЕНЬГИ

(юмористический рассказ)

Самый большой начальник сидит в торце длинного стола, по левую и правую его руку сидят начальники всяких рангов, молодые и старые. Все дружно изображают внимание. Начинается оперативка.

Самый большой начальник, сверкая бритой головой, выходит из-за стола и, заложив руки за спину, идет к двери, потом — обратно.

— Я буду краток. Время, говорят, деньги, тем более в период перестройки и гласности. Значит, -время — деньги: у нас — рубли, хоть и деревянные, у американцев опять же доллары, конвертируемые, между прочим, у англичан — фунты стерлингов, у монголов... как это у монголов-то? Память начисто отшибло. На этой работе шибко, знаете, гробится здоровье. Как это у монголов-то?

С места вскакивает, роняя стул, руководитель среднего звена из молодых:

— Тугрики у них, товарищ директор!

— И верно — тугрики. А ты откуда взялся,

что именно тугрики, в кружке международных событий занимаешься?

— Развиваюсь понемногу, товарищ директор. Разве это плохо?

— Отчего же плохо, очень даже это приятно (смотрит на часы). Времени у нас в обрез, отвлекаться не будем, но я несколько слов ска-

и директивами сверху. Некоторым тут полезно знать о деловитости. Что же такое деловитость, товарищи? Это собранность раз, это собранность два, это собранность три. И решительно ничего больше. Да. Жалуются тут, что времени у них не хватает, а я, понимаешь, растолкую, почему они в запале. Потому что нет у них собранности, о которой я поминал выше. Ты распиши свой день до тютельки и выполняй расписание. Руки по швам и выполняй! Крови не связывайся, аляло время!

В этот момент один руководитель низшего звена из начинающих робко вставил, когда директор сделал паузу:

— Дело стоит... Мы же ненадолго собрались?

Директор багровеет от гнева:

— Ты, понимаешь, меня не учи, молод еще и зелен меня учить, я тебе, понимаешь, опыт передаю, а ты встречаешь. Это некрасиво. Старших уважать надобно! Вопросы ко мне есть?

Вопросов нет.

— Шире мыслить нам нынче предписано, — говорит директор. — Вот он про тугрики в курсе, а я про них забыл, а он в курсе и мне приятно иметь дело с такими, понимаешь, развитыми подчиненными. Я вот совсем не знаю, какие деньги обращение имеют, допустим, на Гавайских островах. А он, наверно, опять в курсе. Ты в курсе, Воробьев?

— Франки там обращение имеют, товарищ директор.

— Вот видите, франки. Ты обогатил мою эрудицию, Воробьев. Спасибо тебе за это. Я и жене скажу сегодня, что на Гавайских островах франками расплачиваются, она тоже обогатится, поднимет свой, понимаешь, культурный уровень. И все сидящие здесь его резко поднимут. Вопросы есть?

Вопросов опять нет.

Один товарищ (конечно, из молодых) робко подает голос:

— У нас металла нет, стоят люди. Надо бы порешать оперативно...

— Ишь ты, он о людях печется, а я, думаешь, не пекусь? Я должен радеть о подчиненных, как генерал, понимаешь, о солдатах. (Дальше следует получасовое отступление. Директор вспоминает характерный эпизод на счет генеральской нежности к солдату времен Второй мировой войны). Бывалые товарищи нежно всхрипывают, смежив веки, новички тихо и безысходно тоскуют.

— Вопросы есть?

Один седой проснулся и решительно сказал:

— Обедать пора, столовую закроют.

— Правильно ты подметил, Сидоренко: режим, понимаешь, первое дело. Значит, после обеда соберемся и обмозгуем кое-что.

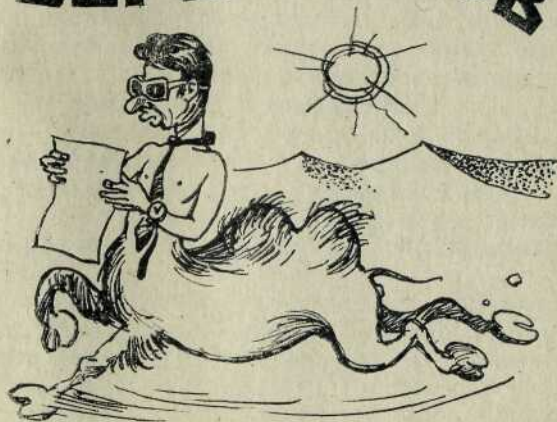
...Поздний вечер. В окнах директорского кабинета горит свет. Оперативка продолжается. Двоих уже увезла «скорая», на очереди — третий: у него на губах пена и под глазами траурная чернота.

Директор бодр, по всему видно, его хватит еще на сутки.

Старая школа на высоте.

КАК ДЕЛАТЬ ВЕРБЛЮДОВ

КАК ДЕЛАТЬ ВЕРБЛЮДОВ

(юмористический рассказ)

Профессор медицинского НИИ пошевелился в кресле и сделал жест рукой:

— Рад видеть. Отличная погода, не правда ли?

Елевич лгал — он не радовался, он чувствовал жжение под ложечкой и упадок духа: аспирант Грушин, что стоял в дверях кабинета, скорбный, как надгробье, был профсоюзным начальником, знал, кому какая выпала нагрузка, и контролировал сроки исполнения.

— Чем обязан, уважаемый?

— Письмо к вам имею, Гурий Силыч. Не вам лично адресовано, но от вашей кафедры — о проблеме питания. Трудящийся пишет.

— Это замечательно, когда массы интересуются гигиеной питания. Меня это вдохновляет. А вас?

У Грушина были толстые губы и одно на все случаи жизни выражение лица: он с малых лет собирался заплакать, но почему-то не плакал. По этой причине Грушина не били в детстве, и учителя завывали ему отметки.

Письмо было такого содержания:

«Здравствуйте, товарищи ученые!

Наука теперь до всего дошла, а вот человек до сих пор как-то особняком стоит. И тут ваш недогляд, товарищи ученые!

Для приема поимеем того же верблюда. Этот, понимаешь, ловко пристроился: наест себе горб, бегаёт по пустыне неделями и каши не просит. А мы кушаем три раза в день (если без подника) и спим всю ночь. Туды-сюды—сутки долой. Обидно, товарищи ученые! А нельзя ли приспособиться так, чтобы хоть глава семьи и кормилец воспринимал положенное ему количество пищи раз в месяц (лучше с аванса), спал зараз до получки и потом уж брался за производительный труд на всю катушку?

Вот мое предложение. Ваша задача, товарищи ученые,— думать, как и что.

Если мне полагаются деньги за рационализацию, прошу выслать их по адресу: горбольница, психиатрическое отделение, Малькову Ксенофонту в собственные руки.

Жду ответа, как соловей лета».

Профессор Елевич снял очки и посмотрел на Грушина с осторожностью: а не шутит ли представитель общественности? Но Грушин поднялся и сказал:

— Ответ через неделю.

— Ничего я писать не стану!— закричал

Елевич фальцетом и тоже встал,— не хочу, милейший, чтобы на меня собаки лаяли! Ведь засмеют!

— Массы интересуются, Гурий Силыч. Учитывайте.

— Сумасшедший интересуется. Я решительно отказываюсь, учтите!

— Извините, профессор,— голос аспиранта срывался и густел,— я вижу, извините, барски-пренебрежительное отношение к запросам снизу. И наш конфликт я обязательно сделаю достоянием гласности. Да.

Впервые история с письмом выплыла во всей ее неприглядности на производственном совещании кафедры, которой руководил Гурий Силыч.

— Некоторые именитые товарищи,— заявил на совещании Грушин, утирая глаза платочком,— забыли, чей хлеб едят, они забыли также, что обязаны чутко реагировать на письма трудящихся, имея титулы, высокие оклады, они...

Ну, и так далее.

Потом о махровом бюрократизме Елевича было доложено на отчетно-перевыборной профсоюзной конференции, и профессор имел конфиденциальную беседу с ректором института. Строгую беседу. О вопиющей черствости заведующего кафедрой гигиены питания говорилось с трибуны городского актива Красного

Креста и на областной конференции ДОСААФ, в газете была напечатана заметка «Волокитчик из НИИ», в институте побывало семь комиссий. Ждали из Москвы восьмую.

Профессор Елевич таял на глазах, он раз в неделю ходил к знакомому портному ушивать штаны, а ночами с унылой последовательностью видел сон, будто ест кактусы с тарелки и пьет квас из желтой бочки с надписью «Горторг». И — странное дело — желтая бочка имела два горба. И будто квас подносит ему ведрами женщина вся в белом и без головы. Это было жутко, Елевич всхлипывал и просыпался.

Наконец грянули проверяющие из центра во главе с академиком по гигиене питания.

—Этот? — спросил академик и указал на Елевича пальцем.

Люди видели: Гурий Силыч пошатнулся, как простреленный, упал на четвереньки и таким манером устремился навстречу проверяющим. И вдруг к тому же заревел жутким голосом.

Комиссия в замешательстве рассыпалась, академик однако не дрогнул и лишь с печалью покачал головой, глядя Елевичу вслед!

—А письмо на мне повисло,— рассеянно сказал Грушин и утер платком повлажневшие глаза.

Елевич вышагивал по коридору на карачках, в проходной он поинтересовался у вахтера Митрича, каким трамваем ловчее добраться до Аравийской пустыни, и затрусил на улицу, где ярко и весело светило солнце.

**ОТПУСТИТЕ
ЕВСЕИЧА...**

ОТПУСТИТЕ ЕВСЕИЧА...

(юмористический рассказ)

Заливать хоккейную коробку поручили дворнику Евсеичу.

Евсеич за пол-литра выклянчил у сантехников шланг на полдня и утром пораньше был в коробке.

Поскольку старший первого подъезда Самуил Востриков опал днем, а ночами писал роман о партизанах Пинских болот, он первым подошел к коробке.

— Какой водой заливаешь? — спросил Востриков.

— Горячей, — ответил Евсеич.

— Ты обнаглел, дед! — нешуточно возмутился Востриков. — Все уплывет. Прости-прощай, понял. Давай холодной. Срочно, понял!

— Застрелись! — сказал Евсеич.

— Ты же все подвалы затопишь, валенок тупой и старая вешалка!

На крик сбежались старший третьего подъезда Автаядилов и еще ряд товарищей.

Автандилов закурил и сказал:

— Ты, Евсеич, на бугры нажимай, на бугры.

К коробке подошел начинающий рационализатор Лапшин. Он был молодой и потому веселый.

— Бвсеич, давай из трех шлангов шпарить, а? Я это разом спроворю.

— Застрелись, — оказал Евсеич.

— Турок! — обиделся Лапшин. — Тебе советуют как лучше. Думаешь, мы катки не заливали? И мы заливали.

— Евсеич, остановись!

Размахивая малярной кистью, к коробке рысью мчался отец шестерых детей Швырло.

— Надо линии нарисовать, — сказал Швырло, — красную, значит, и синюю тоже,

Евсеич на этот раз произнес три слова подряд:

— Тысамогону нажрался?

— Без линий разве каток? Не хочешь — сам нарисую. — И Швырло побежал за краской, которую шестеро детей давно использовали для нехороших надписей по заборам и в подъездах.

...Вечерело. Над катком повис туман, и народу прибавилось.

— Дед! — крикнул семиклассник Петкин. — Вали больше на центр.

— Застрелись, — сказал Евсеич.

— Обнаглел старик! — возмутился Лап-

шин. — Детей уже оскорбляет. И что это само по себе значит — «застрелись»?

Никто не знал, что значит «Застрелись».

— Ирод! — сказал в сердцах Воетриков. — Вредный он, спасу нет.

Из-за угла неторопливо вышел управдом Паша Когут — почетный донор с семидесятого года.

— Ну, как дела, Евсеич? — важно осведомился Когут. — Ты разыщи уровень, которым плотники пользуются, и шуруй по уровню. А то у тебя бугры. Нажимай на бугры.

Евсеича затрясло.

— Иди в баню! — крикнул он. И добавил ряд забористых слов.

— Как ты сказал? Ты это о чем?

— В баню, говорю, иди, — Евсеич снова сказал ряд забористых слов.

Управдом выхватил из кармана удостоверение почетного донора и хлопнул им по бортику:

— Ты куда посылаешь? Ты кого посылаешь? Товарищи! — у Паши Когута замогжи-

ги. — Вы слышали? Все слышали? И я за такую кровь отдаю, да? Хватай его, товарищи!

Первым через бортик перепрыгнул Швырло. В руке он держал банку из-под краски. За ним махнул Воетриков и еще ряд товарищей.

— Ошпарить? — спросил Евсеич.

Его никто не слушал,
Евсейч направил струю на Швырло и ошпарил.

— Мама! — крикнул Швырло тонким голосом я повалился на мокрый лед.

Остальные отступили.

— Застрелитесь вы все! — сказал Евсейч.

— Мы не застрелимся! — сурово ответил управдом. — Поздно стреляться.

Семиклассник Петькин отключил воду, и Евсейча связали бельевой веревкой.

Паша Когут составил акт, Швырло с Востриковым отвели Евсейча сперва в милицию, а на утро — в народный суд.

— Что же это получается? — спросил судья — Гражданина Швырло ошпарил, публику оскорбил.

Евсейч захихал шапку в карман и ответил так:

— Этого дьявола я правильно ошпарил. Жалко — остальных не успел. И — застрелитесь вы все!

— Мужик ты, видать, неплохой, — посочувствовал судья, — но закон есть закон.

И вынес решение: пять суток за мелкое хулиганство.

На другой день к судье пришла делегация: почетный донор Паша Когут, автор неопубликованного романа Востриков, отец шестерых

детей Швырло, начинающий рационализатор Лапшин, семиклассник Петькин и другие.

— Отпустите вы его на поруки! — взмолился Паша Когут.

— Будьте так добры! — вторил ему Востриков. — Коток ведь заливать некому — хоть застрелись!

ВСТРЕЧА С ВОЖДЕМ

ВСТРЕЧА С ВОЖДЕМ

(юмористический рассказ)

Вечер выдался пустой и скучный. По телевизору какой-то непричесанный рахит призывал систематически потреблять заморский шоколад, девица с длинной шеей и маленькой головкой, похожая общим обликом на гвоздь, агитировала, тотчас же купить путевку для круиза вокруг Рязанской губернии и дальше, вплоть до Бердичева. Книг у меня немного, все читано-перечитано. Откопал я какой-то журнал без обложки, затрепанный, там на последней странице печатался юмор. Ничего особо смешного. Один мужик писал про то, как он во сне увидел Лаврентия Павловича Берию. Тот гнул свое: пора общественность прижимать, без прижимания, мол, ничего у вас не получится. Ну, и пострелять слегка невредно. Помогает. Но у нас теперь воля вольная, и маршал грузинского происхождения понес не в ту степь. Я подумал: «Вот с товарищем Ста-

линым бы встретиться, любопытно же знать, где он сейчас и чем занимается?

Дрема навалилась, и вдруг я проснулся. Меня кинуло сперва в жар, потом разом охолодило. Челюсть моя отвисла, будто прикреплена была к черепу на ржавых шарнирах. Никак не можно было рот закрыть — распилился, как дурак на ярмарке. Любой бы на моем месте сединой подернулся: посередине горницы натурально стоял товарищ Сталин, гений всех времен и народов. На нем был распахнутый китель с большими звездами и солдатские кальсоны с завязками на шиколотках, виднелась явственно белая пуговица в районе пупа. Трубки при нем не наблюдалось. Он не двигался и смотрел на меня жестким прищуром.

—Здравствуйте и добро пожаловать! — сказал я с хрипотцой. — Откуда вы?

—Из преисподней. — Ответил.

—А штаны ваши где, извините за нескромность?

—На пути гранитная плита попалась, штаны стащило. Где я?

—В квартире.

—Выходит, пространство искривилось и не туда меня вытолкало...

—Куда же вы путь держали?

—Коммунистическая фракция вызывала, ветераны тоже. Сатана отпустил — по прось-

бе трудящейся массы. У вас что, опять фракции?

—У нас много фракций — либералы, независимые, демократы. Остальные забыл. Много фракций.

Товарищ Сталин провел по усам кулаком и сел на стул.

—И троцкисты у щас есть?

—По-моему, нет. А если и есть, то по-другому называются.

— Кто же у власти?

— Считайте, никого. Указы, конечно, сочиняют, но их никто и не думает в голову брать.

—Развал? Так получается?

—Вродетого.

—Дожили, значит?!

—Докатались, товарищ Сталин. Чем занимаетесь, если не секрет? Там? — я показал пальцем на пол.

Вождь опять расправил усы кулаком:

—Грешниковварим, в котлах.

—Я где-то читал, будто черти дрова-то шуруют?

—Черти бражничают. Писал я на них докладную, так не дошла, зажали.

—А вас варили?

—Сатана не велел по причине моих особых заслуг. Сейчас я бригадир, жду очередного повышения. Новремениуменямало, излагайся.

— У нас рыночные отношения: подешевле купил, подороже продал. Заводы останавливаются, задавленные неплатежами и налогами.

Вождь засопел и глянул так пронзительно, что я опять растворил рот и долго не мог его захлопнуть.

—Еще у нас много президентов и мы не СССР, а СНГ — Содружество Независимых Государств. Республики отделились Россия осталась в одиночестве.

— До чего же вы докатились! — Гений приотпнул босой ногой и засопел шибче, чем даве ча.— Куда же Нарком безопасности смотрел!? И Красная армия, доблестная, куда смотрела, мать вашу... — Командировочный из преисподней выразился следом так непотребно, что я не могу повторить его монолог в точности даже при нынешней свободе слова. Он опустил голову и мрачно задумался.

Сердце мое бухало, как полковой барабан. Я думал: «Закипел вождь, сейчас что-нибудь совершит, проведет надо мной карательную акцию: у него, может, под кителем израильский автомат исключительно малых габаритов. Или с собой возьмет — в котел кинет!» Я решил смягчить напряжение и осведомился мятым голосом:

—Как там у вас с продуктами? По талонам или за деньги дают?

Он рассеянно ответил:

— Питание трехразовое, бесплатное, в добавке не отказывают.— И как-то совсем невпопад добавил: — Мы там хотели с группой товарищей организовать стахановское движение, так черти не дали.... Почему же я к коммунистам не попал? Буду просить вышестоящее руководство, чтобы для начала сюда Лаврентия Берия протолкнули. Он в моей бригаде, три котла курирует. Мы наведем порядок!

—Порядок, конечно, нужен, но Лаврентий Павлович едва ли оправится...

— Справится! Сатана поможет.

— Почему же вы, Иосиф Виссарионович так мало информированы?

— Пока по рангу не положено слушать радио и смотреть телевидение. Но выручать вас будем. Ждите вскорости Лаврентия. Что еще скажешь?

— Еще у нас плюрализм.

— Такого слова не знаю.

— Вы же все знаете! Когда я в институте учился, один преподаватель походя называл вас корифеем всех и многих других наук. И представьте, его не посадили!

— Проглядели. И такое бывало.

— Плюрализм — это кто во что горазд. Я могу, например, назвать своего президента недотепой и никто не удивится, а м«ня за решетку не затолкают.

— Пресечем всякую наглость на корню!

Мне пора, однако.— Гость мой крутанулся волчком, закатил глаза и стал проваливаться, когда провалился по грудь, успел погрозить пальцем:

—Ты мне не понравился, дерзок больно!

На ковре проявился желтый круг, осталась рядом с кругом кальсонная завязка и белая пуговица размером с пятак. Наверняка бригадир преисподней очутился на рабочем месте в чем мама родила. Первой моей мыслью было сдать реликвии, оставленные на ковре, в музей Революции. Потом вспомнилось, что революции как таковой не было и музей закрыт. В сердце тут же закралась нешуточная тревога: ведь Лаврентий явится всенепременно, так что пора смываться. К теще в деревню двину. И вам, господа-товарищи, совет даю: рассыпайтесь за горизонты. Товарищ Сталин слово держит крепко!

ОГЛАВЛЕНИЕ

1. Выручайте, мужики!	3
2. Кто пойдет в разведку?	15
3. Все вернется на круги свои.	25
4. Человек с луны.	33
5. Пятно.	41
6. Бродячий сюжет.	49
7. Подагра Карла Великого.	57
8. Время — деньги.	65
9. Как делать верблюдов.	71
10. Отпустите Евсеича...	79
И. Встреча с вождем.	87

Литературно-художественное
издание

ВЫРУЧАЙТЕ, МУЖИКИ!

юмористические рассказы

Автор

Емельянов Геннадий Арсентьевич

Художник

Ягунов Виктор Андреевич

Редактор **Рахманов Б. А.**

Технический редактор **Семчишина Н. А.**

Сдано в набор 07.00.1994 г. Подписано в печать
03.10.1994 г. Формат 60x841/32. Зак. 383. Тир. 5.000.

Издательство «Кузнецкая крепость»,
654007, г. Новокузнецк, др. Кузнецкстроевский, 1

ИПП «Сов. Сибирь». 630048, Новосибирск,
ул. Немировича-Данченко, 104.